

Аль-Калия

Времена голодных

Джамаан Ахмед

Джамаан Альзахрани

Аль-Калийя- Времена голодных

«Автор»

2026

Альзахрани Д. А.

Аль-Калийя- Времена голодных / Д. А. Альзахрани — «Автор», 2026

Введение Прежде чем перевернуть страницу Сто лет назад Мосул был обычным городом Османской империи. В нём шумели базары, переулки переплетались, как вены, а детский смех и крики игр наполняли каждый уголок. Но 1916 год нёс в себе нечто, к чему город не был готов: засуху, убившую посевы, войну, разграбившую урожай, и голод, который сокрушил человеческую совесть задолго до того, как уничтожил тела. Но голод не знает пощады. История началась, как все истории голода: сначала съели кошек, затем дело дошло до собак. А потом наступило то судьбоносное решение, которое изменило всё. Это не вымысел. Это страницы истории Мосула, записанные историками в османских судебных реестрах и рассказанные турецкими и арабскими газетами десятилетия спустя. Это история о том, как совесть умирает раньше тела. Как человек под гнётом голода превращается в чудовище, не признающее ни кровных уз, ни соседских связей. Я поведаю эту историю так, как она случилась - с реальными персонажами,

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Аль-Калийя- Времена голодных

Глава

Введение

Прежде чем перевернуть страницу...

Сто лет назад Мосул был обычным городом Османской империи. В нём шумели базары, переулки переплетались, как вены, а детский смех и крики игр наполняли каждый уголок. Но 1916 год нёс в себе нечто, к чему город не был готов: засуху, убившую посевы, войну, разграбившую урожай, и голод, который сокрушил человеческую совесть задолго до того, как уничтожил тела.

В самом сердце этого ада жили супруги - Аббуд и Хаджава. Он был искусным поваром, прославившимся своей сковородой для калийи на рынке Ворот Сарая. Она -умной и проницательной проводницей (далалой), умевшей читать людей прежде, чем они открывали рот. Когда у них родился маленький сын, которого они назвали Нур, они принесли ему все игрушки Мосула: летающего голубя, тряпичных кукол и жестяные колокольчики, которые вешали на запястье ребёнка.

Но голод не знает пощады. История началась, как все истории голода: сначала съели кошек, затем дело дошло до собак. А потом наступило то судьбоносное решение, которое изменило всё.

Это не вымысел. Это страницы истории Мосула, записанные историками в османских судебных реестрах и рассказанные турецкими и арабскими газетами десятилетия спустя. Это история о том, как совесть умирает раньше тела. Как человек под гнётом голода превращается в чудовище, не признающее ни кровных уз, ни соседских связей.

Я поведаю эту историю так, как она случилась - с реальными персонажами, их именами и ужасающими подробностями. Диалоги позволят вам почти вживую услышать их голоса, прежде чем вы прочтёте слова. Вы узнаете об их скромном начале, об иллюзорном процветании и о постепенном крахе.

Эта история не для слабонервных. Если вы хотите увидеть, как выглядит человек, когда он по-настоящему, отчаянно голоден... тогда переворачивайте страницу.

Историческая справка: Аль-Калийя - знаменитое мосульское блюдо, в котором мясо обжаривается с солью, специями и луком на сильном огне до полной готовности.

Джамаан Ахмад

Сцена первая: Рынок Ворот Сарая

В те времена Мосул был подобен драгоценности, оправленной на берегах Тигра. Путешественники описывали его как «город, подобный пчёлам, строящим пятиугольные соты», сотканный из белого камня и штукатурки. Его древние переулки покачивались между семью воротами, словно чётки. Город никогда не спал; он дышал в ритме своих базаров, чьи огни никогда не гасли.

В сердце рынка Ворот Сарая, где из каждого переулка доносился аромат специй, молодой человек по имени Абдул Рахман - которого люди из любви сократили до «Аббуд» - стоял за стойкой в лавке своего отца-повара. Аббуду было двадцать пять лет, он был высок, смугл, с пальцами, словно созданными для поварёшек и ножей. Его отец был одним из самых известных поваров Мосула, и Аббуд обучался у него, постигая секреты вкуснейших мосульских блюд, которые караваны везли в Алеппо и Багдад.

Ремесло в Мосуле имело свой древний уклад: у каждого ремесла был старейшина цеха, избираемый из его членов. И молодой Аббуд, несмотря на своё мастерство, втайне мечтал однажды стать старейшиной поваров.

Сцена вторая: Проводница из переулка

Хаджава была не такой, как другие девушки Мосула. Ей было двадцать два года, она была невысокой, чуть полноватой, с медовыми глазами и голосом, который завораживал слушателей, даже если они не хотели слушать. Она работала проводником по переулкам и рынкам Мосула, помогая чужакам и купцам находить нужные лавки и дома семей, которые их принимали.

В обществе Мосула работа далалы - особенно для женщины - была почётным заработком, который семьи полностью одобряли. Она в основном имела дело с женщинами, помогая им покупать необходимое, а иногда и выдавать дочерей замуж. Хаджава была известна как умная и красноречивая девушка со «счастливым глазом» на сведение людей.

Дом её семьи находился в квартале рядом с рынком Аббуда - белый оштукатуренный дом, прижатый к стенам соседей в узких, мощёных гравием переулках.

Сцена третья: Раннее утро в лавке калийи

Призыв к утренней молитве наполняет переулки Мосула. Золотые солнечные лучи просачиваются сквозь деревянный потолок лавки.

Аббуд стоит перед большим медным котлом, мерно помешивая его содержимое деревянной ложкой. Аромат специй и жареного лука разносится повсюду.

Его отец, ХАДЖИ ФАТХИ (за 60), сидит на деревянном стуле, перебирая длинные чётки и куря сигарету.

ХАДЖИ ФАТХИ: *(выдыхая дым, с довольной ухмылкой)*

Аббуд... сколько специй ты положил? Калийе нужна мера, а не такой огонь, чтоб рот горел. Ты словно хочешь поджечь весь рынок.

(смеётся)

АББУД: *(улыбаясь, не поднимая глаз от котла)*

Клянусь Богом, отец... больше специй лучше, чем меньше. Как ты всегда говоришь - да хранит тебя Бог! - человек подобен специи: если в самый раз - оживляет, если слишком мало - ты как мёртвый.

ХАДЖИ ФАТХИ: *(хрипло смеётся, переходя на кашель)*

Хм... Разве это я сказал? Эту поговорку ещё твой прадед повторял.

Аббуд на мгновение перестаёт мешать варево. Его голос звучит с детской невинностью.

АББУД: Отец... сегодня я видел её.

Хаджи Фатхи откладывает чётки в сторону и внимательно смотрит на сына.

ХАДЖИ ФАТХИ: Видел кого?

АББУД: Я видел Хаджаву.

ХАДЖИ ФАТХИ: *(приподнимая одну бровь)*

Проводницу из нашего квартала? Я слышал, она приличная девушка, но язык у неё острый, как нож. Берегись.

АББУД: *(впервые смотрит на отца открытым, влюблённым взглядом)*

Отец, всю жизнь я думал, что женитьба для меня - обычное дело. Но с тех пор, как я увидел её, я не могу перестать о ней думать... Моё сердце стало как горячие угли.

ХАДЖИ ФАТХИ: *(снова кашляет, доставая из кармана белый носовой платок)*

Как горячие угли, говоришь?... Прибереги эти речи для Хаджавы, сынок, не трать их на меня.

(смеётся)

Но позволь спросить... ты действительно настроен на эту проводницу?

АББУД: Я настроен на неё... и она настроена на меня. Сегодня она проходила мимо лавки со своей матерью. Её глаза заморозили меня на месте. Она указала пальцем на тарелку с калийей и громко сказала: «О, как прекрасна калийя... её аромат похищает сердце». А затем подмигнула мне.

ХАДЖИ ФАТХИ: *(прикладывает руку к груди, словно почувствовал сильный пульс)*

Вот это... это настоящая, сильная мосульская женщина. За её словами всегда кроются другие слова. Довольно, довольно. Твоя мать пойдёт в её дом сегодня же.

Сцена четвёртая: Дом Хаджавы - где читают между строк

Маленький дом из белой штукатурки, пахнущий свежим хлебом и диким тимьяном. Хаджава (двадцать два года) - невысокая, чуть полноватая девушка с медовыми глазами. Она одета в хлопковое платье в розово-красную полоску, её заплетённые волосы покрыты лёгкой косынкой. Её мать - женщина за пятьдесят с пронизательными желтоватыми глазами, от которой ничего не ускользает.

МАТЬ ХАДЖАВЫ *(стоя на пороге кухни и подметая метлой маленький дворик)* Хаджава... вчера мы проходили мимо лавки Аббуда, и ты слишком долго на него смотрела.

ХАДЖАВА *(бормочет, нарезаая лук и не поднимая головы)* Мама... лавка Аббуда - самая известная на рынке Ворот Сарая. Все мимо неё проходят. Даже тебе понравилась его калийя, которую мы пробовали неделю назад.

МАТЬ ХАДЖАВЫ *(подходит, садится напротив и понижает голос до шёпота)* Я не про то, что мы просто проходили... Я про то, как ты ловко сказала: «О, как прекрасна калийя», пока Аббуд стоял как вкопанный, а его глаза не могли оторваться от тебя.

(лукаво смеётся) От матери Хаджавы ничего не ускользает, так что знай.

ХАДЖАВА *(вздыхает и режет ещё одну луковицу)* Мама... он хороший молодой человек. Он работает с отцом уже десять лет. Не бегаёт за женщинами и не курит кальян в лавках. Во всём нашем квартале нет такого парня, как он.

МАТЬ ХАДЖАВЫ *(откладывает метлу и мягко берёт Хаджаву за руку)* Если он такой хороший и себя уважает, почему бы ему не прислать свою мать в наш дом «посолнечничать»? Это традиция, Хаджава. В Мосуле, если хочешь жениться, надо делать всё как положено.

ХАДЖАВА *(оставляет лук в стороне и смотрит в открытое окно)* Мама... я боюсь. Боюсь быть связанной с тем, кто будет меня душить. Я видела столько девушек в квартале, которые после замужества стали рабынями своих мужей - даже глотка воды не могут выпить без дозволения.

МАТЬ ХАДЖАВЫ *(обнимает её за плечо)* Этот Аббуд - другой. Он сын Хаджи Фатхи, воспитан в хороших манерах, и главное... у него не глаза тирана.

ХАДЖАВА *(скрывая лёгкую улыбку на губах)* Мама... хорошо. Если придёт его мать, не усложняй больше, чем есть.

МАТЬ ХАДЖАВЫ *(громко смеётся)* Я мать Хаджавы... если бы я усложняла дела для собственной дочери, как бы я могла сделать тебя счастливой?

Сцена пятая: Помолвка - Чтение Фатихи - Первый дар

Дом Хаджи Фатхи празднует прибытие семьи Хаджавы. В комнатах пахнет ладаном и крепким арабским кофе. Хаджи Фатхи сидит во главе собрания. Рядом с ним - мать Аббуда, полная женщина за пятьдесят, чьё лицо излучает тепло. Входит отец Хаджавы, Хаджи Рашид - худой мужчина с аккуратной седой эспаньолкой.

ХАДЖИ ФАТХИ *(встаёт, протягивая руку)* Добро пожаловать, Хаджи Рашид... Клянусь Богом, вы делаете нам честь своим присутствием в нашем квартале.

ХАДЖИ РАШИД *(тепло пожимая руку)* И вы нам честь, Хаджи Фатхи.

(садится, осматривается и улыбается) У вас красивый дом.

МАТЬ АББУДА (*разливая кофе и не упуская возможности пошутить*) Да хранит вас Бог... Этот дом построен камень за камнем руками Аббуда и его отца. Но знаете, что в нём лучшее? Он горячий, как огонь, летом и холодный, как снег, зимой.

ХАДЖИ РАШИД (*смеётся*) Мать Аббуда, пословица гласит: «Всё или ничего».

МАТЬ ХАДЖАВЫ (*сидит чуть строже остальных, но уже спокойнее*) Давайте перейдём к делу. Мы пришли услышать доброе слово.

ХАДЖИ ФАТХИ (*достаёт маленький мешочек из внутреннего кармана*) Доброе слово - это не просто речи. Это начальный джалаба: шесть золотых лир, шёлковая джалабия, сотканная в Мосуле, и медный поднос, гравированный руками знаменитого мосульского мастера.

(*вручает подарок матери Хаджавы*)

МАТЬ ХАДЖАВЫ (*её глаза загораются, но она притворяется сдержанной*) Да благословит вас Бог, Хаджи Фатхи. Но моей дочери не так нужны золото и ткани... ей нужно большое сердце, которое вместит её. Она быстра, как ветер, а её язык - нож.

МАТЬ АББУДА (*с лукавым смехом*) Мать Хаджавы... в браке спокойствию нужна твёрдая рука. И у Аббуда твёрдая рука - та, что режет мясо, каким бы жёстким оно ни было. Если Хаджава - нож, то Аббуд - повар. Вместе они приготовят самую вкусную калийю.

ВСЕ (*дружно смеются, вздыхают и читают Фатиху*)

(*После чтения Фатихи женщины уходят в харамлик - женскую половину дома, - а мужчины остаются в приёмной, пьют кофе и обсуждают калым и детали свадьбы.*)

Сцена шестая: Свадьба - И весть о беременности

Свадьба состоялась. Пришли близкие, и все танцевали под музыку. Аббуд и Хаджава начали новую жизнь в своём семейном гнезде. Их дни были полны радости и счастья, а смех часто был слышен из-за стен. Счастье мира, казалось, нашло себе место в их доме.

Несколько месяцев спустя. Холодной зимней ночью Аббуд возвращается с рынка уставший. Он входит в дом, снимает обувь и головной убор, садится на скамью у обогревателя. Хаджава стоит посреди комнаты, пристально глядя на него и пряча руки за спиной.

АББУД (*потирая пальцы, чтобы согреть их*) Хаджава, сегодня рынок был пуст. Люди боятся того, что происходит в Сирии.

ХАДЖАВА (*не отвечая сразу, приближается и садится рядом*) Аббуд... у меня новость.

АББУД (*глядя на неё с беспокойством*) Новость? Что случилось? Твоя мать здорова?

ХАДЖАВА Моя мать здорова... все здоровы. Но я...

(*делает глубокий вдох и показывает маленький кусок мягкой ткани, который прятала*) Аббуд... я беременна.

Наступает короткое молчание. Аббуд не двигается. Затем внезапно встаёт, словно одержимый. Он поднимает руку, чтобы коснуться её щеки, но тут же отстраняется, боясь причинить боль.

АББУД (*его голос дрожит от радости*) Беременна? Мы... беременны?

(*внезапно вскрикивает*) О Боже! О Господь мой!

(*хватает её руки и страстно целует их*) Хаджава! Хаджава!

ХАДЖАВА (*смеётся, пока по её щекам текут слёзы*) Тише, Аббуд... соседи услышат...

АББУД (*возбуждённо бормочет*) Соседи должны знать! Я должен кричать с крыши! Я должен приготовить фонарики... сладости...

(*внезапно останавливается и серьёзно смотрит на неё*) Ты в порядке? Ты устала? Ты что-нибудь чувствуешь?

ХАДЖАВА Я в порядке, просто немного устала. И сегодня я ела... странные вещи. Огурцы с йогуртом и финики с сыром.

(*смеётся*) Не классическая мосульская прихоть, как говорят.

АББУД (*садится рядом и нежно кладёт руку на её живот*) Здесь... здесь лежит тайна жизни. Наша тайна.

(*его голос тонет в эмоциях*) Хаджава... я не знаю, как выразить свою радость. С детства я мечтал стать отцом. Я никогда не представлял, что счастье будет таким огромным.

ХАДЖАВА (*протягивает руку, чтобы погладить его волосы*) И ты будешь хорошим отцом, Аббуд. Я знаю это. Ты терпеливый, нежный, ты умеешь любить маленьких... даже та деревянная кукла, которую ты принёс для своего племянника, до сих пор в его комнате.

Сцена седьмая: Рассказываем семье - Древние мосульские традиции

На следующий день Аббуд и Хаджава идут в дом родителей Аббуда. Мать Аббуда, заведя их взволнованные лица, взволнованно встаёт с места.

МАТЬ АББУДА (*всматриваясь в их лица*) Ой... что-то случилось?

АББУД Мама... Хаджава беременна.

МАТЬ АББУДА (*издаёт громкий радостный крик*) Боже, о Боже! Какая радость снизошла на нас!

(*хватает Хаджаву и крепко целует её в лоб*) Да хранит тебя Бог, дочка... Да хранит Бог твою беременность. Пусть ребёнок будет здоровым и невредимым...

Хаджи Фатхи медленно поднимается со своего стула, опираясь на трость и поддерживая себя рукой. Его голос заметно дрожит.

ХАДЖИ ФАТХИ Бог велик... О Господь...

(*смотрит в небо*) Хвала Богу, который не лишил меня радости внуков до моей смерти.

ХАДЖАВА (*приближается к нему, чтобы почтительно поцеловать руку*) Отец... ты не умрёшь, пока не увидишь, как твои внуки растут.

ХАДЖИ ФАТХИ (*вытирая едва заметную слезу со щеки*) Даст Бог, дочка... Даст Бог.

Сцена восьмая: В доме родителей Хаджавы

Маленький дворик дома матери Хаджавы. Женщина как раз сажала розу в глиняный горшок, когда услышала новость. Она отбрасывает кувшин с водой в сторону.

МАТЬ ХАДЖАВЫ (*внутренне ахая*) Беременна?!

(*громко кричит в сторону дома*) О Рашид! Иди сюда, быстро!

(*простирает руки к небу*) О Боже, о Господь, о Всемиловитейший...

ХАДЖИ РАШИД (*испуганно появляется в дверях*) Что это за крик? Что случилось? Где пожар?

МАТЬ ХАДЖАВЫ Нет пожара и нет огня... наша дочь Хаджава беременна, Рашид! Беременна!

(*Хаджи Рашид застывает в молчании. Затем медленно входит в комнату, открывает маленький деревянный шкаф, достаёт свой старый плащ, накидывает его на плечи и тихо садится на коврик. Слезы беззвучно текут по его лицу.*)

ХАДЖАВА (*подходит к нему и садится на пол у его ног*) Отец... почему ты плачешь?

ХАДЖИ РАШИД (*хриплым голосом*) Я не плачу... Я просто вспоминаю тебя маленькой девочкой, которая играла в этом дворе босиком и кричала: «Баба... Баба». А теперь ты сама стала матерью. Моя маленькая девочка стала матерью.

Сцена девятая: «Нур» - Дар небес

Шумная и тяжёлая ночь в доме Аббуда и Хаджавы. Хаджава корчится от родильных болей. Мать Аббуда, мать Хаджавы и три опытные женщины из квартала собрались вокруг неё. Аббуд сидит снаружи комнаты на полу, нервно царапая стены и ударяя ладонью о ладонь, не зная, как успокоиться.

МАТЬ АББУДА (*изнутри комнаты*) Хаджава... дыши... с каждой схваткой делай вдох... Бог с тобой, дочка...

ХАДЖАВА (*издавая приглушённый крик*) Мама... я боюсь...

МАТЬ ХАДЖАВЫ (*крепко держа её за руку*) Ты не одна, доченька... все женщины через это проходят. Я здесь... мать Аббуда здесь... женщины из квартала здесь...

Проходит томительный час. Затем внезапно все слышат громкий крик ребёнка.

ПОВИТУХА (*старая женщина, известная своим мастерством на весь район, поднимает младенца*) Мальчик... мальчик! Поздравляю, квартал... здоровый, невредимый мальчик!

Радостные возгласы женщин поднимаются от дома к улице и разносятся по всему кварталу. Аббуд толкает дверь и входит в комнату. Хаджава совершенно обессилена, но счастливо улыбается. Рядом с ней лежит маленький ребёнок, аккуратно завернутый в мягкую белую ткань, с плотно закрытыми глазами.

АББУД (*тихо, почти шёпотом*) Хаджава... Хаджава...

(Аббуд медленно приближается, садится на край кровати и смотрит на ребёнка как на ангела.)

АББУД О Боже... слава Тебе, Господи. Ты сотворил и усовершенствовал Своё творение... Как... как это прекрасное существо может быть от нас?

ХАДЖАВА От нас... от нашей любви. От этого маленького дома, который вмещает нас всех.

АББУД (*протягивает дрожащую руку и нежно касается щеки ребёнка указательным пальцем*) Хаджава... давай назовём его Нур.

ХАДЖАВА Нур?

АББУД Да. Потому что с его приходом в наш дом вошёл истинный свет. Нур осветит нашу жизнь и будет нашим светом и опорой, даже если жизнь померкнет вокруг нас.

ХАДЖАВА (*на её глаза наворачиваются слёзы, она улыбается*) Нур... да. Пусть он будет нашим светом в этой земной жизни.

(Аббуд наклоняется, целует лоб Хаджавы, затем - лоб новорождённого ребёнка. Его слёзы смешиваются с улыбкой.)

Сцена десятая: Первый год - Первый шаг и первое слово

Маленькая гостиная. Нуру сейчас один год, он активно ползает по ковру. Всё вокруг сделано из дерева и ткани. Хаджава сидит на подушках, наблюдая за ним. Аббуд возвращается с рынка, бережно неся маленькую деревянную коробку.

АББУД Нур, иди скорее посмотри, что папа тебе принёс!

НУР (*смотрит на отца круглыми, как блюдца, глазами и сосёт палец*) Баба... Баба...

АББУД (*разражаясь счастливым смехом*) «Баба»! Ты слышала, Хаджава? Он сам сказал «Баба»!

ХАДЖАВА (*входя с кухни и вытирая руки о фартук*) Он сказал «Баба»? Клянусь Богом, он только и говорит что «Баба»... А когда же он наконец скажет «Мама»?

АББУД (*смеётся, открывая коробку*) Это не важно. Посмотри лучше, что я принёс.

(Из коробки Аббуд достаёт тряпичную куклу в виде кошки, набитую хлопком, с глазами из двух чёрных бусин; деревянную погремушку, раскрашенную в яркие цвета - красный, синий, жёлтый; «летающего голубя» - деревянную игрушку с длинной верёвочкой, при натяжении которой голубь кружится; набор маленьких деревянных кубиков с буквами арабского алфавита; маленький медный колокольчик, который можно привязать к запястью ребёнка.)

НУР (*указывая пальчиком на игрушки, быстро ползёт к ним*) Дай... дай...

АББУД (*протягивает ему погремушку; Нур восторженно трясёт её у уха, громко смеётся и шумит ещё сильнее*) Баба...

ХАДЖАВА (*смеётся*) Похоже, у нас растёт музыкант... Немного тише, пожалуйста, сынок. Соседи вокруг.

АББУД (*шёпотом Хаджаве*) Оставь его... это первые признаки ума.

(*поворачивается к Нуру*) Нур... посмотри на это.

(*запускает летающего голубя, плавно натягивая верёвку, и голубь начинает кружиться в воздухе*)

НУР (*хлопает крошечными ладошками и кричит от радости*) Баба... Баба!

ХАДЖАВА (*подходит и садится на ковёр рядом с ними*) В нашем доме теперь всё летает... радость летает, игрушки летают, и мысли этого мальчика летают.

АББУД (*крепко обнимает и целует Нуру*) Пусть летает. Детство, Хаджава, подобно этим игрушкам - короткое, красочное и быстро заканчивающееся. Пусть он сполна наслаждается своим детством. Как только оно уходит, оно никогда больше не возвращается.

Сцена одиннадцатая: Нур на рынке с отцом - Обучение ремеслу

Лавка Аббуда на рынке Ворот Сарая. Нуру исполнилось три года. Аббуд бережно держит его за крохотную руку, терпеливо обучая названиям специй. Лавка выглядит яркой и живой: в глиняных ёмкостях высится жёлтая куркума, алеет красный перец, темнеет коричневый тмин и благоухает зелёный тимьян.

АББУД (*указывая на одну из чаш*) Что это, сынок?

НУР (*указывая маленьким пальчиком*) Это... тмин.

АББУД (*довольно улыбается и указывает на соседнюю ёмкость*) Умница. А вот это?

НУР Это... перец... красный перец!

АББУД Любовь моя, всё правильно. (*переводит руку на чашу с сушёной зеленью*) А это?

НУР (*неловко почесав голову, а затем широко улыбаясь*) Это тимьян... мосульский тимьян!

АББУД (*в восторге поднимает мальчика на руки и крепко целует в обе щёки*) Молодец, Нур! Ай да молодец! Смотрите, о мир, к вам идёт великий повар!

(*радостно смеётся, прижимая сына к себе*)

В лавку, приветливо улыбаясь, входит пожилой ПОКУПАТЕЛЬ.

ПОКУПАТЕЛЬ Это твой сын, Аббуд?

АББУД (*с нескрываемой гордостью*) Клянусь Богом, уважаемый, мой! Это Нур, будущее этой лавки. Моя смена.

ПОКУПАТЕЛЬ (*добродушно поглаживая Нуру по голове*) Да сохранит его Бог для тебя. Великий повар, говоришь? Ха-ха-ха... в его время это будет уже совсем другая эпоха, не наша. Но дай Бог, чтобы наш Мосул всегда оставался благополучным и сытым.

АББУД (*слегка смущаясь от похвалы*) Даст Бог... Даст Бог, Мосул всегда будет процветать.

(*Аббуд ещё не знает, что эта хрупкая иллюзия благополучия полностью разрушится менее чем через два года.*)

Сцена двенадцатая: Первые признаки страха

Дом Аббуда, глухая зимняя ночь. Аббуд сидит в полумраке гостиной со своим близким соседом, АБУ НАВААРОМ. Они разговаривают полушёпотом.

АБУ НАВААР (*его голос звучит едва слышно, словно он боится, что сами стены могут их выдать*) Аббуд... я слышал от купца Салима, что османская армия подчистую конфисковала всю пшеницу в Диярбакыре. Он говорит, интенданты уже идут в Мосул.

АББУД (*испуганно бормочет*) В Мосул? Но зачем им наш город?

АБУ НАВААР Идёт большая война, Аббуд. Война пожирает всё без разбора, и солдатам на фронте нужно гораздо больше еды, чем простым мирным людям.

АББУД Но что тогда будут есть люди здесь? Урожай в этом году был, мягко говоря, средним. Если они заберут последнее...

АБУ НАВААР Не спрашивай меня о последствиях. Просто послушай доброго совета: начини прямо сейчас прятать немного зерна в таком месте, о котором никто живой не догадается. И никому не говори об этом... даже Хаджаве.

АББУД *(глубоко вздыхая)* Как я могу утаить от собственной жены нечто столь опасное и важное?

АБУ НАВААР Потому что женщины уязвимее и больше боятся. А когда они боятся, они начинают кричать. Когда они кричать, соседи приходят с вопросами. Когда соседи расспрашивают, поднимается тревога по всему кварталу. И тогда эти новости мгновенно доходят до властей.

АББУД *(на мгновение закрывает лицо ладонями)* О Господь мой... мой сын Нур родился, чтобы жить в мире и безопасности. Не допусти, чтобы эта безопасность исчезла.

Сцена тринадцатая: Хаджава обнаруживает правду

На кухне Хаджава торопливо готовит скромный ужин. Входит Аббуд. Его лицо мертвенно-бледное, подмышкой он бережно несёт небольшой джутовый мешок пшеницы. Думая, что жена не видит, он приподнимает половицу и пытается спрятать его в тайном шкафу под полом кухни - там, где в скрытом помещении находится старый сухой колодец.

ХАДЖАВА *(заметив его движения, удивлённо откладывает нож)* Аббуд... что это ты там прячешь?

АББУД *(резко оборачиваясь, пытается выдавить беззаботную улыбку)* Ничего особенного, ханум... просто припас немного. На всякий случай.

ХАДЖАВА *(подходит ближе, её голос слегка повышается от тревоги)* На всякий случай против чего?

АББУД *(мягко берёт её за руки, понижая голос до заговорищного шёпота)* Хаджава... война приближается к нашим дверям. Армия скоро заберёт весь городской урожай. Пожалуйста... умоляю тебя, никому не говори об этом.

ХАДЖАВА *(смотрит на него в полном шоке)* Аббуд... и ты серьёзно веришь всему, что болтают бездельники?

АББУД Об этом уже открыто говорят старейшины цехов на рынке.

ХАДЖАВА *(пренебрежительно машет рукой)* Аббуд... эти старики на рынке совсем выжили из ума от скуки, не обращай на них внимания. Но если тебе от этого так тревожно - хорошо, оставь этот мешок муки в кладовой про запас. Просто чтобы успокоить твою душу.

АББУД *(облегчённо вздыхает и нежно целует её в лоб)* Да сохранит тебя Бог для меня. Ты никогда мне ни в чём не отказывала. Ты всегда умеешь удержать меня на земле, когда я паникую.

(Они тихо и безмятежно смеются вместе.)

Сцена четырнадцатая: Последняя мука - Болезненный отказ

Прошло время. Пшеница стала жесточайшим дефицитом, а цены на неё взлетели до стоимости золота. В доме Аббуда остался последний маленький джутовый мешок муки. Хаджава стоит перед ним, осторожно перебирая его пальцами, словно делит бесценные капли крови. Аббуд сидит рядом на стуле, его глаза глубоко запали от хронической бессонницы и недоедания.

ХАДЖАВА *(шёпотом, словно боясь, что сами камни дома могут её подслушать)* Аббуд... это всё, что у нас осталось. Меньше половины небольшой меры муки.

АББУД *(смотрит на этот крошечный мешочек, как на собственную могилу - в нём едва ли наберётся килограмм)* И на сколько нам этого хватит? На три дня еды?

ХАДЖАВА Или на два... если мы сможем максимально урезать порции. Нур... Нур съел мою долю вчера вечером, потому что горько плакал от голода. Я не могла смотреть на это.

АББУД (*вдруг резко встаёт с места, меряя комнату шагами, как загнанный узник*) Так не годится. Я не могу просто сидеть здесь. Я пойду к моим матери и отцу... схожу к твоей матери. Мы должны поделиться. Прожить полжизни вместе с родными лучше, чем сытыми умирать в одиночку.

ХАДЖАВА (*смотрит на него с грустной осторожностью*) Аббуд... сейчас голодают абсолютно все. Все без исключения. Ты же видишь, какими жестокими стали люди на улицах. Никто не поделится с нами, если сам балансирует на краю пропасти.

АББУД (*резко прерывает её*) Они - моя семья, моя кровь! Мой святой долг - поддержать их, даже если я сам испущу дух сразу после них.

(*Хаджава ничего не отвечает. Она молча пересыпает часть муки в маленький узелок и протягивает его Аббуду. Она слишком хорошо знает, что спорить с ним, когда речь заходит о долге перед родителями, бесполезно. Аббуд берёт узелок под мышку и выходит наружу. Нур провожает его со скамьи огромными, блестящими от голода глазами.*)

НУР Баба... ты куда уходишь?

АББУД (*наклоняется и нежно касается его исхудавшей щеки*) Я ненадолго, сынок. К твоим бабушке и бабушке.

Аббуд направляется в переулок, где живут его родители. Дорога совсем короткая, привычная с детства, но сейчас его ноги словно волочат за собой две тяжелые горы. Он доходит до дома своего отца, Хаджи Фатхи, и негромко стучит в дверь. В ответ - глухая тишина. Он стучит настойчивее, сильнее. Наконец, дверь медленно, с неохотой приоткрывается.

На пороге стоит ХАДЖИ ФАТХИ. До начала голода он был статным, полным мужчиной, но теперь его измождённое тело стало похожим на сухую солому. Глаза глубоко ввалились, но в их глубине всё ещё теплится прежняя искра вековой мудрости.

ХАДЖИ ФАТХИ Аббуд... сын мой... что за отчаянный стук в такой поздний час?

АББУД (*быстро входит в дом, его глаза панически ищут мать*) Отец... мама жива? Она здорова?

ХАДЖИ ФАТХИ (*его голос заметно дрожит*) Твоя мать... твоя мать жива и будет здорова, пока ты сам в порядке. Входи скорее, не стой на пороге. У нас теперь не бывает гостей, некому ходить туда-сюда.

Аббуд проходит внутрь. МАТЬ АББУДА сидит в самом углу тусклой комнаты на обветшалом, истёртом коврике. В полной темноте она по привычке прядёт шерсть, на которую в городе уже давно нет ни единого покупателя. Её лицо пугающе бледно, но глаза вспыхивают искренней радостью, когда она узнаёт сына.

МАТЬ АББУДА (*слабо протягивая к нему худые руки*) Любовь моя... пришёл. Как там наш маленький Нур?

АББУД (*садится рядом с ней на колени, бережно касаясь её сухой руки*) Нур... Нур держится, мама. Наперекор всему этому кошмару, что творится сейчас в Мосуле.

МАТЬ АББУДА (*горько и устало усмехается*) Держится? «Хорошо» и «голод» - эти слова никак не сочетаются в словаре доброго Бога. Разве могут они существовать вместе?..

АББУД (*торопливо достаёт узелок с мукой и силой вкладывает его в руки матери*) Мама... возьми. Это всё, что у меня сейчас есть. Это очень мало, я знаю, что подвожу вас, но это для вас с отцом. Пожалуйста, возьмите.

Хаджи Фатхи смотрит на узелок с мукой, затем переводит тяжёлый взгляд на Аббуда. Несколько секунд он молчит. Его голос слегка подрагивает, но звучит непреклонно и твёрдо.

ХАДЖИ ФАТХИ Забери это немедленно. Спрячь обратно под плащ и верни туда, откуда принёс.

АББУД Отец, умоляю...

ХАДЖИ ФАТХИ (*настойчиво перебивает его*) Я сказал - убери! Неужели ты думаешь, что я, старик, стану отнимать последнюю еду у своего трёхлетнего внука Нура? Ты правда веришь, что я смогу проглотить хоть один кусок, зная, что мой внук засыпает в слезах от голода?

МАТЬ АББУДА (*её глаза стремительно наполняются слезами, она вытирает их рукавом поношенного платья*) Аббуд... мальчик мой... ты же знаешь, что ты - свет обоих моих глаз, а твой Нур - самый важный пульс моего сердца. Вы - наши дети. Моя душа разрывается на части, когда я просто представляю, что вы голодаете.

АББУД (*пытается крепче сжать руку матери, но отец мягко, но решительно отстраняет его*) Отец, я ещё молод, я сильный, я что-нибудь придумаю, я справлюсь... мы сможем разделить это на всех...

ХАДЖИ ФАТХИ (*наклоняется к самому его лицу, его шёпот звучит тяжело и несокрушимо, как скала*) Аббуд, слушай меня внимательно и запомни мои слова раз и навсегда: любой голод рано или поздно заканчивается, но потерянных детей тебе никто никогда не вернёт. Ты должен думать о себе, о Нуре и о Хаджаве. А мы с матерью уже стары. Мы свою жизнь прожили, повидали мир. К тому же мы выносливее, мы справимся с этим лучше, чем ребёнок. Оставьте муку себе. Бог никогда не забывает своих верных слуг. И если нам с ней предначертан ещё хотя бы один день в этом мире, мы его проживём — никакая война и никакой голод не отнимут его у нас раньше срока.

МАТЬ АББУДА (*негромко, сдавленно вскрикивает*) Аббуд! Если наступит тот страшный день, когда Нур умрёт от голода, пока я ещё буду дышать на этой земле... я никогда в жизни не прошу ни тебя, ни саму себя. Уходи. И не приходи к нам больше, пока эти чёрные дни окончательно не пройдут.

АББУД (*слёзы градом текут по его лицу, он отчаянно пытается что-то сказать, но пересохший язык его не слушается*) Мама... но как же я... как я оставляю вас...

ХАДЖИ ФАТХИ (*хватает сына за плечо и с мягкой, но неборимой силой подталкивает его к выходу*) Иди. Выходи сейчас же. И больше не стучи в эту дверь, пока мы сами тебя не позовём.

Аббуд оказывается на тёмной, холодной улице. Тяжёлая деревянная дверь отца с грохотом закрывается за его спиной. В тишине ночи он отчётливо слышит сухой, глухой звук задвигаемого изнутри засова. Он слышит, как за стеной горько плачет его мать, а отец тихо, успокаивающе шепчет ей: «Не плачь, Хадиджа, не изводи себя... Наш Всевышний Господь всё видит, Он здесь».

Аббуд в бессилии прижимает ладони к закрытой двери, но вернуться обратно уже не смеет. Он крепче прижимает узелок с мукой к груди и медленно бредёт по ночному переулку с застывшим, разбитым сердцем. Густая тьма Мосула поглощает его силуэт.

Сцена пятнадцатая: Дом родителей Хаджавы - Печальное молчание

На следующий день. Хаджава так и не смогла сомкнуть глаз прошлой ночью, видя, каким раздавленным и безмолвным вернулся её муж. Она принимает твёрдое решение попытаться счастья со своими родителями - Хаджи Рашидом и матерью, которые живут в маленьком квартале неподалёку от рынка. Она отсыпает небольшую горсть муки из их скудных запасов, тщательно прячет её в плотный кусок ткани и выходит из дома задолго до рассвета.

ХАДЖАВА (*шёпотом говорит Аббуду перед самым выходом*) В городе все ещё спят. Я быстро добежу до родителей, пока люди не начали просыпаться на утренний азан... Не жди меня у окна. Возможно, мне придётся переждать в их доме и вернуться уже после восхода солнца.

АББУД (*крепко держит её за запястье*) Хаджава... прошу тебя, позволь мне пойти с тобой. Ты же видишь, какими опасными стали улицы Мосула. Безопасности больше нет. Все

поголовно голодают. Если кто-то из бродяг заметит, что у тебя в руках узелок с едой, они нападут на тебя прямо в темноте.

ХАДЖАВА Оставайся дома с Нуром. Я боюсь, что он проснётся среди ночи, не найдёт никого из нас рядом и сильно испугается. Я обернусь в один миг: просто заскочу к ним, проверю их здоровье, отдам долю муки и сразу обратно. Не переживай за меня...

Хаджава тихо выскальзывает из дома. Небо над Мосулом ещё подёрнуто глухой ночной синевой. Она быстро добирается до дома своего отца, останавливается перед старой, потрескавшейся деревянной дверью. На секунду прижимается к ней ладонью, словно безмолвно прося у дома разрешения войти, а затем осторожно стучит. Дверь открывает её мать.

Её глаза страшно опухли от постоянного недосыпа и скрываемых слёз, а ноги тяжело отекали от голодной болезни. Она смотрит на родную дочь отрешённо, словно перед ней стоит бесплотное привидение.

МАТЬ ХАДЖАВЫ Хаджава... девочка моя, что привело тебя к нам в такой опасный, глухой час?

Хаджава молча проходит внутрь комнаты, взглядом ища отца. Она находит Хаджи Рашида в дальнем углу: он сидит на старом, облезлом коврикe и медленно вытирает лицо дрожащими руками. В доме царит звенящая, пустая нищета.

ХАДЖАВА (*бережно кладёт узелок с тканью на колени матери*) Мама... вот, посмотри, я принесла вам немного муки. Это всё, чем я могу помочь вам в эти проклятые, тёмные дни... Пожалуйста, возьмите, испеките хоть немного хлеба.

МАТЬ ХАДЖАВЫ (*смотрит на узелок, а затем мягко, но решительно отодвигает его в сторону, её голос полон скрытой боли*) Забери это обратно. Мне не нужен этот хлеб.

ХАДЖАВА Мама, но почему?!

МАТЬ ХАДЖАВЫ (*смотрит на неё своими прежними пронизательными, соколиными глазами, в которых стоят слёзы*) Ты приносишь эту еду нам, старикам, когда мы прекрасно знаем, что у твоего собственного сына Нура завтра не будет ни крошки во рту? Неужели ты думаешь, что мы сможем спокойно смотреть на солнце, зная это?

ХАДЖАВА (*отчаянно настаивает*) Мама, умоляю тебя! С Нуром всё в порядке, он сыт, он ест! У нас есть ещё немного запасов, мы обязательно справимся, выкрутимся. Пожалуйста, не думайте о нас, позаботьтесь о себе!

ХАДЖИ РАШИД (*впервые подаёт голос, его интонация низкая, глубокая и надтреснутая*) Дочь моя... я прожил очень долгую, сложную жизнь. На своём веку я видел немало голодных лет и жестоких войн. Поверь мне, всё это рано или поздно проходит. Но проходит лишь для тех, у кого хватает сил выжить.

(*серьёзно и пристально смотрит на неё*) Единственное наше наследие в этом мире - это не деньги, не золото и не эти старые белёные стены. Наше наследие - это чтобы выжили вы: ты, Аббуд и наш маленький Нур. Вот и всё.

МАТЬ ХАДЖАВЫ (*крепко обнимает Хаджаву за плечи и целует её в лоб*) Дочь моя... закрой глаза, разворачивайся и уходи. И больше не возвращайся в этот дом, пока... пока я сама не пришлю за тобой кого-нибудь с вестью.

ХАДЖАВА (*горько плачет, у неё перехватывает дыхание, она не в силах больше спорить; она пытается незаметно оставить узелок на краю колченогого стола, но мать замечает это, силой хватая её за руку и твёрдо возвращает муку*) Мама, пожалуйста...!

МАТЬ ХАДЖАВЫ (*вдруг срывается на крик*) Забери, я сказала! Неужели ты хочешь, чтобы мы с твоим отцом предстали перед Всевышним в Судный день, и Он грозно спросил нас: «Почему вы отобрали последний кусок хлеба у своего голодного внука»? О Господь, смилуйся над нами, прости нас и не вменяй нам этот страшный грех!

Хаджава в слезах пятится к выходу. Она испуганно прячет узелок под плащ, толкает дверь и выходит на улицу. Мать не делает ни шагу вслед за ней. Отец даже не поднимает седой

головы. Только крупные слёзы на его щеках тускло поблескивают в первых, серых лучах занимающейся зари.

Хаджава плотно закрывает за собой дверь. Некоторое время она бессильно стоит снаружи, прислонившись лбом к холодному, сырому дереву косяка. Она едва слышно шепчет в пустоту: «Простите меня... ради Бога, простите меня...» Но глухие стены старого дома ей не отвечают.

Сцена шестнадцатая: Прощай, мама

Прошло несколько дней. Аббуд и Хаджава больше не предпринимают отчаянных попыток навестить своих родителей - они прекрасно понимают, что двери перед ними захлопнутся навсегда. Хаджава лишь изредка, тайком приходит к началу переулочка, где живёт её мать, и подолгу стоит там, вслушиваясь в далёкие звуки.

В один из таких дней она замечает, как из ворот дома выходят несколько хмурых соседей. В руках они несут маленькие, наспех сколоченные похоронные носилки - вернее, даже не носилки, а просто узкое скорбное ложе, покрытое потемневшей от времени тканью. Хаджава, чувствуя, как внутри всё леденеет, бросается к ним навстречу.

ХАДЖАВА (*задыхаясь от бега*) Умм Раед! Что случилось?! Чьи это похороны?

СОСЕДКА УММ РАЕД (*испуганно оглядывается и, заметив бегущую Хаджаву, переходит на траурный шёпот*) О Хаджава... Хаджава, девочка моя... держись. Твоя мать... твоя бедная мать... она ушла от нас прошлой ночью.

ХАДЖАВА (*внезапно застывает на месте, словно её посреди улицы поразил удар молнии*) Что ты такое говоришь?.. Что ты такое несёшь, Умм Раед?!

СОСЕДКА УММ РАЕД (*опускает глаза*) Я думаю... она просто тихо угасла от голода, дочка. А твой отец... Хаджи Рашид теперь совсем не может двигаться. Он наотрез отказывается принимать хоть какую-то пищу. Он лишь повторяет: «Если Всевышний хочет проявить ко мне милость... пусть Он заберёт меня отсюда вслед за матерью Хаджавы».

Хаджава издаёт страшный, сдавленный крик, который едва не душит её, прежде чем вырваться наружу. Словно безумная, она бросается к носилкам, расталкивает плачущих людей и судорожно откидывает край плотной ткани. Перед ней предстаёт лицо матери - жёлтое, исхудавшее, как воск, глаза плотно закрыты, словно она просто спит после тяжёлого дня. Но голодная смерть оставила на её чертах свои неизгладимые, страшные следы.

ХАДЖАВА (*припадает к безжизненному лицу матери, захлёбываясь слезами*) Мама... Мамочка моя... ну почему ты тогда отказалась от моей муки?! Ну почему?! Это же была всего одна маленькая лепёшка! Всего одной лепёшки хватило бы тебе, чтобы продержаться ещё немного! Ты была бы жива, ты стояла бы здесь со мной сегодня... Любимая моя, открой глаза, умоляю тебя...!

(*Она крепко обнимает остывшее тело матери, навзрыд рыдая на глазах у всего квартала. Пожилые женщины обступают её, пытаясь мягко оттащить в сторону и успокоить, напоминая, что по закону похороны в такую жару должны состояться как можно быстрее.*)

Но смерть не даёт никаких ответов. Молчит и голод. Молчит и мать, которая сознательно предпочла умереть голодной смертью, лишь бы не прикоснуться к хлебу, утаённому от маленького внука.

Спустя всего три дня в опустевшем доме скончался и Хаджи Рашид, отец Хаджавы. Он ушёл из жизни абсолютно беззвучно, лежа на том же самом облезлом коврике, с широко открытыми, устремлёнными в потолок глазами. До последней секунды он ни разу ни на что не пожаловался. Ни о чём не просил окружающих. Он лишь успел тихо сказать заглянувшей в окно соседке свои последние слова: «Передайте моей Хаджаве... пусть не плачет обо мне... мы теперь в великой милости Божьей... и пусть она во что бы то ни стало живёт».

Он до самого конца наотрез отказывался переезжать в дом дочери, чтобы не становиться для молодой семьи лишней обузой, и строго-настрого запрещал ей приходить проводить его, что лишь сильнее разрывало душу несчастной Хаджавы.

Сцена семнадцатая: Аббуд прощается с матерью - Последнее завещание

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.